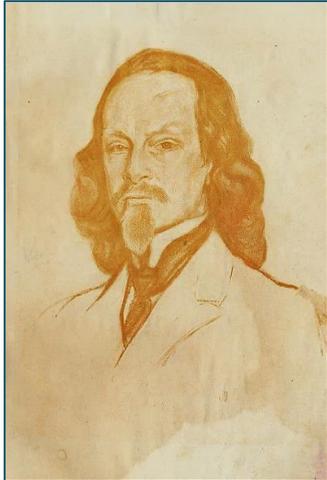

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ: «МЕНЯ ВЕДУТ ЗВЁЗДЫ»

**Иванцова Нина Семёновна,
Андреева Марина Игоревна,**
*ведущие специалисты ПКПБ им. А.М. Горького,
г. Владивосток*

Константин Бальмонт

Константин Дмитриевич Бальмонт был человеком мира, поэт знал все европейские языки, читал на латыни и греческом. Прикасался, с его слов, «к египетскому, еврейскому, китайскому, японскому» языкам. Поэт тяготел к мировой культуре, а потому обожал путешествовать. Его раздражали «странные европейские люди» и их страны, поэта влекла экзотика: Австралия, Мексика, Египет, Океания, Индия, Китай, Япония.

К 10 апреля 1916 г., пройдя трудный гастрольный тур по Сибири, Константин Бальмонт через Харбин приезжает во Владивосток усталый (в каждом городе выступления с лекциями и чтение стихов), раздражённый и немного подавленный («сумрачные» сибиряки встречали холодно), встревоженный болезнью любимой женщины, малыми сборами: денег, как всегда, не хватало.

Поэт серьёзно готовился к путешествиям. Изучал культуру, религию, мифологию, языки, поэзию. Возможно, что в числе прочих книг он штудировал историю японской литературы по книге английского дипломата и востоковеда, основоположника британской японистики Уильяма Джорджа Астона. Эта монография была издана во Владивостоке в 1904 г. под редакцией первого на российском Дальнем Востоке японоведа – профессора Евгения Генриховича Спальвина. А перевёл книгу в то время слушатель Восточного института, впоследствии профессор и основатель Владивостокского Высшего политехникума, первый ректор Государственного Владивостокского политехнического института Василий Мелентьевич Мендрин.

Местная газета «Далёкая окраина» 5, 6 и 7 апреля 1916 г. предупредила читателей и жителей Владивостока о лекциях поэта, объявленных на 11 и 12 апреля.

Приехав поездом из Харбина, где поэт провёл два литературных вечера в Железнодорожном собрании (несмотря на скучные туманы и ветер, сбивающий с ног), восторженные харбинцы забросали его цветочными букетами и овациями, Бальмонт остановился в отеле «Европа» в № 30. В 2 часа дня он написал своей жене Кате: «...Я достиг предельной точки Русского царства ... Я рад. Ещё несколько прескучных мне выступлений – и я свободен... Сегодня «Вечер Поэзии...».

Первые восторженные впечатления о морском городе: «Сейчас гулял один – я люблю одинокие прогулки, они дают больше – по Владивостоку. Праздничная, разряженная толпа, малоинтересная. Но родное Море, то тут, то там глядящее из-за нагромождений домов, пленило душу, осенило её своим вечным

БИБЛИОТЕКИ

священным Ритмом. И та препакозная хибара, в которой вчера ночью, после 2-часовых поисков, нашлось пристанище, имеет хоть одно достоинство – она стоит над Морем...». И это о первоклассном отеле с тридцатью «прилично обставленными номерами с электрическим освещением», вышколенной опрятной прислугой и комиссионерами, говорящими на иностранных языках...

Особых претензий у Бальмонта не было, он брал ванну, если её не было, довольствовался умывальником, придвигал стол к окну, раскладывал книги, местные журналы и газеты, рабочие тетради, дорожную чернильницу и писал, читал, работал неустанно, бодро, с радостью, изучал какой-нибудь язык (у него были необычайные способности к языкам). В новом городе он любил бродить наугад, заходил в музеи, храмы, на биржу, базар, в библиотеку. Если это был портовый город, такой как Владивосток, он обязательно шёл на пристань.

Уже в 1915 г. на Дальнем Востоке появляются первые беженцы из западных губерний, задетых войной. Владивосток во время Первой мировой войны оказался единственным российским портом, где вели торговые дела крупные и мелкие коммерсанты многих стран мира. По Светланской валом валил народ: праздный, деловой, вольный. Повседневная и культурная жизнь была насыщена яркими разнообразными творческими событиями: любительскими спектаклями, балами, концертами, кинематографом, художественными выставками и, несмотря на тревожное военное время, гастрольной деятельностью московских и петроградских артистов (и иностранных), музыкантов, поэтов. Владивостокские литераторы, модные имажинисты, символисты, футуристы, представители реалистической школы энергично порой навязчиво, а иногда подражательно дарили свой талант городу.

Наверняка, апрельский вечер 11 апреля 1916 г. местный символист Н. Виноградский, автор сборника «Розовые лепестки» (с эпиграфом К. Бальмонта) [10], провёл в Коммерческом училище. Возможно, рядом были покорённые, замороженные королём поэтов («краски поют, звуки сияют») В. Март, Г. Фаин, С. Ирецкий, Н. Камова, О. Худякова, литературные дамы, молодые Янковские,

Бринеры и просто культурные люди. В архиве известной Аси Колесниковой, тогда юной воспитанницы Зелёной гимназии, с её слов: «Среди фотографий неведомо как оказалась фотография К. Бальмонта. На обороте – стихи:

Василию Васильевичу Дмитренко

**На крае мира, сын Украины,
Я бегло встретился с тобой,
Но наша встреча не случайна,
И этот случай не слепой.
Не здесь, не в этой малой клетке, –
В душе у нас родился звон,
В стенах носились наши предки,
Где в звонах ветра небосклон.
Нас не предвидя, там горели
Они, пожар в крови творя, –
И стали мы, как звук свирели,
И стали песней кобзаря.**

(К. Бальмонт, Владивосток,
1916.IV.25)

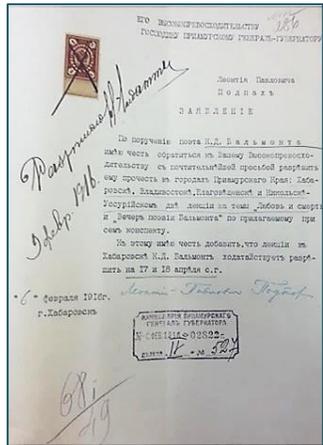

Билеты на бальмонтовский вечер распространяла газета «Далёкая окраина», стоили они прилично, от 75 копеек до трех рублей пятидесяти. Первая, прочитанная в Коммерческом училище лекция была объявлена как «Вечер поэзии Бальмонта» с чтением стихов из его книги «Ясень. Видение древа» и отрывков «из различных произведений мировой поэзии». Слушали внимательно-

БИБЛИОТЕКИ

восторженно вступительные слова Бальмонта: он был пленён морем, приветливостью владивостокцев, рад новым ярким впечатлениям. Владивостокскую публику не смутили прохладный вечер и свежий ветер, актовый зал был полон, восторженные «клики», рукоплескания, букеты с оранжерейными розами и привезенными из Японии хризантемами и мимозой. Он обожал живые цветы, любил носить их в петлице (не только на выступлениях, но и когда его никто не видел). Нервный, красиво седеющий, с гордой осанкой, живой как ртуть, «напевно», иногда с длинными паузами, читающий Бальмонт вызвал у владивостокцев бурю разнообразных эмоций, а у поклонников подлинный восторг.

Желание посетить Японию сформировалось у К. Бальмонта ещё в конце 90-х. Он даже почти собрался в поездку в 1898 г. Поездка не состоялась по разным причинам, хотя сожалений было много.

Разрешение на чтение лекций

Разрешение на чтение лекций было получено представителем поэта Леонтием Павловичем Подпахом у Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти 9 февраля 1916 г.: «По поручению поэта К.Д. Бальмонта имею честь обратиться к Вашему Высокопревосходительству с почтительнейшей просьбой разрешить ему прочесть в городах Приамурского края: Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске и Никольск-Уссурийском две лекции на темы «Любовь и смерть» и «Вечер поэзии Бальмонта» по прилагаемому сем конспекту. К этому имею честь добавить, что лекции в Хабаровске К.Д. Бальмонт ходатайствует разрешить 17 и 18 апреля с. г.».

Никольск-Уссурийский жил активной культурной жизнью. В 1916 г. в Народном доме прошли гастроли московских и петроградских артистов, в Гранд-отеле на Николаевской

(ул. Краснознаменная, 76) пели «известный баритон» Пашенко, куплетист Черкаш, «каскадные шансонетки» мадемуазель Петина и мадемуазель Жанет. Возможно здесь, в самой шикарной гостинице уездного городка, «комфортабельно обставленные номера по образцу лучших европейских гостиниц», паровое отопление, электричество, телефон, остановился и выступил с лекцией и чтением стихов К. Бальмонт. 15 апреля 1916 г. из Никольск-Уссурийского поэт сообщает: «Верно, съезжу в Японию на неделю лишь...».

Лекция К. Бальмонта в газете «Далёкая окраина» 21.04.1916 г.

Из Никольск-Уссурийского поездом Бальмонт проследовал на двухдневные гастроли в Хабаровск. 18 апреля 1916 г. он написал из Хабаровска: «Завтра еду во Владивосток, читаю там «Лики Женщины» и еду в Японию...». Поэт был огорчён и раздражён холодным приёмом сибирской публики. «Какие-то орысины эти сибиряки. Тупые оглобли...». Ему нравились полные залы, восторженная аудитория, восторженные отзывы в печати, овации, всеобщее ликование. Поэтому 19 апреля перед самым отъездом из

БИБЛИОТЕКИ

Хабаровска он напишет: «Я не думаю, чтоб я пробыл в Японии более десяти дней. Нет ни желанья, ни денег. В сущности, если бы я сейчас в этих краях был один (к Бальмонту приехала больная Елена Цветковская), я не поехал бы, верно, в Японию вовсе. Как-то не время, и мало смысла ехать туда лишь на несколько дней. Но с другой стороны, потом, верно, жалел бы, что не поехал...».

Пятничное выступление 22 апреля 1916 г. было заключительным во Владивостоке (перед поездкой в Японию): огромный зал Коммерческого училища упоенно рукоплескал

«Далёкая окраина», номер от 22 апреля 1916 г.

бальмонтовским «Лицам Женщины в поэзии и жизни». Текст лекции в номере от 21 апреля 1914 г. напечатала «Далёкая окраина». Газета также поместила красивое фото поэта (за столом с книгой) и написанное ночью 21 апреля, обращенное Владивостоку, стихотворение:

*Люблю тебя, Владивосток,
Тебя приветствую в весне.
За то, что Море есть поток,
Где скрыты тайны в глубине.
За то, что здесь простор широк
И русский говор дорог мне,
Как звонкий гуд струны к струне.
И легкой вязью быстрых струн
Друзей найдя в бегущем дне,
Я стих бросаю, как цветок,
Восток, живи и пой в огне...* [1 с. 70-71].

В номере от 24 апреля под заголовком «Японские песни» «Далёкая окраина» поместила несколько танка и хокку, что подтверждает серьёзное знакомство К. Бальмонта с японской поэзией.

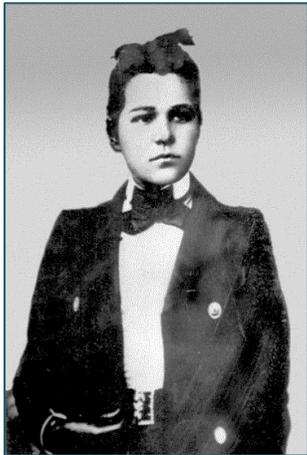
Во Владивостоке Константин Бальмонт нашёл друзей. И среди них был журналист, поэт, просветитель, великий труженик, автор «Краткого исторического очерка г. Владивостока», родоначальник владивостокского клана Матвеевых, из которого вышли знаменитые поэты Венедикт Март, Иван Елагин, Новелла Матвеева, а также известные библиографы Зотик и Татьяна Матвеевы – Николай Петрович Матвеев (Николай Амурский). Надо полагать, что родившийся на Хоккайдо Н.П. Матвеев, много раз бывавший в этой стране по делам, говоривший по-японски и знавший несколько сот иероглифов, имевший друзей-японцев, наверняка дал ему полезные советы как путешественнику и переводчику.

*«Цветы поэзии живой
Собрав на ниве мировой,
Связавши их в один букет,*

БИБЛИОТЕКИ

Принёс ты нам, родной поэт...», – так поприветствует поэт Николай Амурский собрата по перу.

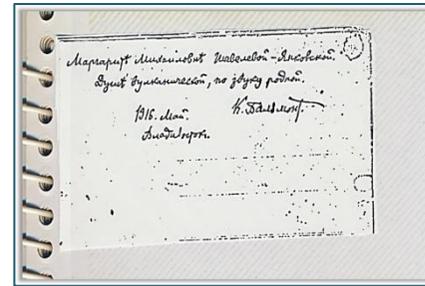
23 апреля 1916 г., сидя на бархатном диване в номере (№ 14) гостиницы «Централь», К. Бальмонт в письме супруге Екатерине Андреевой сообщил: «...Сегодня утром, в 10 часов, я получил заграничные паспорта... мои здешние друзья обо мне хлопотали, и в результате я еду в Японию, в понедельник, 25-го на торговом корабле...».

Дэзи Шевелёва

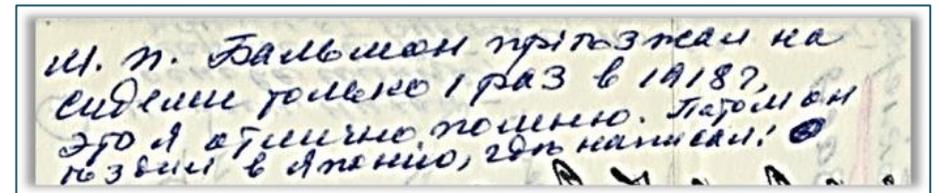
Кто же эти друзья? Это был никто иной, как маленькая прелестная «душа вулканическая, по звуку родная» Дэзи Шевелёва, с которой поэт познакомился в Москве, в доме Маргариты Алексеевны Сабашниковой. В Альбоме коричневой кожи со стихами В.Ю. Янковской, подаренном Орром Петровичем Чистяковым ПКПБ им. А.М. Горького, вклеена ксерокопия автографа

К. Бальмонта Дэзи – М.М. Янковской: «Маргарите Михайловне Шевелевой-Янковской. Душе вулканической, по звуку родной. 1916. Май. Владивосток. К. Бальмонт». Где была сделана эта запись? В городе или в имении Янковских Сидеми? Поэт вернулся 14 мая, отбыл в Россию 21-го, у него было два выступления в клубе «Чашка чая» и несколько свободных дней, он мог съездить в Сидеми, чтобы увидеть друзей, поделиться японскими впечатлениями, творческими планами, новым знанием. Дэзи-Маргарита могла прийти на литературный вечер в клуб. Или пригласить старого друга-поэта в гости к Шевелёвым на Пушкинскую, 49. А может быть эта запись была сделана (на форзаце книги, обороте фотографии) во время расставания на вокзале 21 мая? Собственноручный автограф – подлинный

Ксерокопия автографа
К. Бальмонта –
М.М. Янковской

70-летней Музой Юрьевной. Дочь М.М. Янковской ошиблась двумя годами, но одно ясно – в Сидеми поэт был только один раз! Возможно в апреле, потому что предисловие первого издания поэмы Руставели (неполный перевод), выпущенного в Москве в

1917 г. отдельной книгой под названием «Носящий барсову шкуру» было написано во Владивостоке и датировано 24-м апреля 1916 г. Согласно расписания К. Бальмонта, 11 и 12 апреля он выступает с лекциями в Коммерческом училище, 14 – 15 апреля - Никольск-Уссурийский, 17 – 18 апреля находится в Хабаровске и 19 выезжает во Владивосток. 22 апреля финальное выступление в Коммерческом училище, перед Японией. В письме от 23 апреля читаем, что друзья о нём «хлопотали», и он вскоре выезжает в Японию, (хотя уехать удалось только 27-го), но предисловие написано 24-го. Вывод: поэт посетил Сидеми между 20 и 22 апреля. Чтобы восстановить подлинную картину пребывания К. Бальмонта во Владивостоке, необходима серьёзная работа с архивными

документ, факт, подтверждающий встречу поэта с М.М. Янковской в мае 1916 г., только неясно, где – в Сидеми или Владивостоке?!

Есть ещё одна версия. Из письма Музы Янковской брату Валерию от 13 марта 1977 г.: «Бальмонт приезжал на Сидеми только 1 раз в 1918 г. Это я отлично помню. Потом он уехал в Японию, где написал: «Ниппон, Ниппон – основа Солнца... и т. д.»». Письмо написано через много десятков лет

БИБЛИОТЕКИ

документами, периодикой, помочь в поиске фактического материала могут неопубликованные дневники, письма, устные рассказы, записанные третьими лицами, старая газетная реклама. Пока мы находимся в самом начале нашего поиска-исследования.

Дэзи в год свадьбы
(Маргарита и Юрий
Янковские)

Культ Константина Бальмонта постоянно жил в доме Янковских. Портрет поэта «стоял у мамы в Башне на письменном столе», – вспоминала Виктория Янковская. Его стихи дети с раннего возраста знали наизусть. На вопрос Бальмонта: «Ну, а знаете ли Вы что-либо из моих стихов?», – семилетняя Земляничка-Виктория прочитала «Фейные сказки». Маргарита Михайловна привезла эту романтическую привязанность к поэту из Москвы из дома Сабашниковых, где «все «напевно» читали его стихи, и моя юная мама не избегла общей участи...».

Дочь купца первой гильдии, владельца первой на Тихом океане русской паровой компании, учёного-востоковеда Михаила Григорьевича Шевелёва Маргарита родилась в 1884 г. во Владивостоке. Девушка училась в Москве и жила в доме богатой родственницы, образованной, начитанной, увлечённой (вместе с мужем) идеями Л.Н. Толстого, осуждавшей безделье, лень, праздность и роскошь, Маргариты Алексеевны Сабашниковой. В этом «доме всегда говорили и спорили о всяких вопросах научных, литературных и о тогдашней злобе дня – женском вопросе...». Младшая сестра М.А. Сабашниковой Екатерина – лингвист, переводчица была женой Константина Бальмонта.

Юная Дэзи с жаром рассказывала К. Бальмонту о родном Владивостоке, пропитанном солнцем с ласкающим тело тёплым морем летом и зимнем – суровом, когда от жёсткого колючего ветра

не спасал густой мех, купленный задорого у Чурина. Внимательно слушавший поэт обещал навестить её во Владивостоке, когда она станет взрослой дамой. Вернувшись домой во Владивосток, Дэзи Шевелёва в 1907 г. вышла замуж за Юрия Михайловича Янковского и поселилась в имении мужа «на полуострове Янковского, подэгейски – Сидеми».

Домашний театр Янковских

Белый дом-замок с башнями и бойницами, 36-ю комнатами и 3 телефонами, по словам Валерия Янковского, был постоянно готов к обороне против маньчжурских разбойников-хунхузов, ибо почти не охраняемая граница пролегла всего в полусотне верст. Несмотря на постоянную готовность дать отпор, жизнь в имении протекала спокойно и весело. Снежными зимними вечерами, когда в камине жарко пылал огонь, семейство, гости, слуги в тёплой, ярко освещённой гостиной с резной мебелью чёрного дерева уютно слушали рассказы, написанные хозяйкой дома. С весны в имении собиралось уйма народа: друзей, родственников, знакомых. Дамы и дети купались в море, загорали на «золотом песке», устраивали игры, танцевали, мужчины охотились, рыбачили. Сероглазая статная увлекающаяся Маргарита Михайловна любила облачиться

БИБЛИОТЕКИ

в древнегреческую тогу, нарядить домашних в туники и устроить представление из жизни эллинов. «В этом доме встретились познакомились академик Комаров и писатели-путешественники Арсеньев и Гарин-Михайловский, здесь читал стихи Константин Бальмонт, сообщали о своих открытиях ботаник Нума Десулави и энтомолог Мольтрехт, знаменитый анималист профессор Каульбарс...».

Одарённая Маргарита Михайловна сама писала пьесы, готовила реквизит, шила костюмы. «Постановки мы делали дома в нашем синем зале с шкурой белого медведя на сцене и с золотой рамой, в которой Мама проводила свои пьесы...». Папа-тигр усаживался в кресло из красного дерева в форме дракона и включался в увлекательную игру, устроенную домочадцами. По словам Виктории Янковской, в Сидеми на премьеры из Москвы приезжали артисты Большого театра. Возможно, К. Бальмонт видел один из спектаклей, например, «Видения Маркиза», пьесу, написанную Маргаритой Михайловной для своих детей. Виктория Янковская через много лет, в стихотворении «Ожившие слёзы» трогательно вспоминает этот спектакль, рояль, любимые мамой Дэзи «сиреневые и нежные» цветы и тёплую атмосферу Белого дома, где выросли «тургеневские Лизы»: Ивушка и Ора-Земляничка...

Янковские – предприниматели, охотники, учёные, меценаты и просветители, устроили поэту пышный приём в Сидеми. Замок-крепость с флагом на башне и «поющей» бронзовой золотой арфой в виде летящей русалки, напоминающая прямоугольный стол, покрытый скатертью Столовая гора, сине-зелёные волны с большими блестящими на солнце гребнями, набегающие на золотистый песок пляжа, олений парк, отдельная загородка для ручных оленей, табуны лошадей, птичник, домашние барсы, рыси, волки, вековые кедры и мощные лиственницы, плантация женьшеня у сопки Просека, полянки начинающих цветы подснежников, японские няни-ама в древнегреческих туниках, старинные танцы миньон и па-де-катр в исторических костюмах, надо полагать, «сказочно» удивили Бальмонта.

Мужчины Янковские организовали для К. Бальмонта охоту. Эта охота настолько потрясла и вдохновила Константина Дмитриевича, что возможно, помогла ему в долгой работе над поэмой «Витязь в тигровой шкуре», полный перевод которой был выполнен в 1914 – 1917 гг.

Ора-Виктория, вторая дочь М.М. Янковской, в новелле «Забытые жёны» пишет: «Из Владивостока мама организовала поездку Бальмонта в Японию, рекомендовала его другу нашей семьи – своему духовному брату, профессору русской литературы, японскому поэту, переводчику, литературоведу Мойчи Ямагучи». Он встретил Бальмонта в Кобе, ездил с ним по Японии, переводил его лекции. Мойчи Ямагучи был сыном няни-японки, выпускником русской гимназии и «института восточных языков» в Петрограде. Когда ему была предложена кафедра в столице, он отказался принять русское подданство, и, уехав в Кобе, стал преподавать в университете. Его переводы из японской поэзии послужили подстрочником для переводов К.Д. Бальмонта. Из письма К. Бальмонта: «Она [М.М. Янковская], как я узнал, много содействовала моей славе в Японии, – сообщал он в письме. – Её приятель Мойчи Ямагучи – лучший в Японии знаток русского языка и литературы».

До конца своих дней Бальмонт будет помнить эту прекрасную женщину. В письме от 20 января 1938 г. издателю «Светослужения» харбинцу В.В. Обольянинову, Бальмонт попросит его послать «объявление о книге Маргарите Янковской... напишите несколько слов... она захочет содействовать распространению Светлянки», ещё не зная, что Дэзи-Маргарита сторела от рака в 1936-м.

В музее им. В.К. Арсеньева хранится копия последнего личного письма Бальмонта к Маргарите Шевелевой-Янковской: «Милая Дэзи! Никогда не забываемая крепкая и нежная моя сибирская любовь! Я подобрал лучшие из весенней моей жатвы и посылаю Вам и Вашей дочери, поэтессе (Виктории), заманчивый и чарующий образ, который так жив в моём сердце, что как будто уже не однажды мы были вместе и не близко, и не холодно взглянули друг другу в глаза. Напишите мне подробно, прошу, как

БИБЛИОТЕКИ

откликнутся в вашем сердце мои стихи. Сердцем Ваш К. Бальмонт».

В Японию К. Бальмонт выехал 27 апреля. Накануне отъезда, 26 апреля, вечером он написал жене: «Катя, милая, я наконец уезжаю в Японию завтра, в послеполуденье, на японском корабле «Хозан-Мару». Из моей поездки на «Эривани» ничего не вышло, ибо корабль задержался отплытием из-за какого-то груза... Эти дни были совсем путанные, из-за бесконечных сборов и разговоров...». Разговоров с кем, о чём? Думается, с местными газетчиками и литераторами, кроме серьёзной «Далёкой Окраины», ратовавшей за союз России с Японией (недаром В.Ю. Дмитренко готовила литературный вояж К. Бальмонта), может быть, с поэтом познакомился многогранный и талантливый редактор «Дальнего Востока» В.А. Панов, журналисты либеральных «Новостей дня», недавно потерявшие главного редактора «хулигана печатного слова» Федора Мисюру, профессора Восточного института, японисты Е.Г. Спальвин и В.М. Мендрин или полиглот Н.В. Кюнер, знавший 17 языков, преподаватели мужской и женских гимназий, Коммерческого училища, словом местная интеллигенция. Говорили много, оживлённо громко, советовали, где и что посмотреть в Японии, спорили о кризисе современного искусства, обсуждали ход военных действий, последние политические новости, дороговизну, проблемы провинциальной прессы и пр.

28 апреля с борта японского корабля «Ходзан-мару» Бальмонт написал в Москву: «Радуюсь на изящные японские растения, и хочется поскорей видеть японскую весну. Завтра. Неужели эта страна, от меня ускользавшая, завтра будет увидена мной? Мне странно...»

Две недели, проведённые в Японии, были до предела насыщены поездками, встречами, осмотром достопримечательностей. Япония заворожила Константина Бальмонта. Иокогама, Никко, Токио, Камакура, Киото, старинные храмы и монастыри, тишина, гуляющие по Наре ручные лани, деликатные трудолюбивые японцы, изящные японские женщины-

мотыльки с лаковыми причёсками. «...Я как во сне. Не ожидал, что так прекрасна Япония... я захвачен так полно... А ещё нужно прибавить, что меня знают в Японии... Не дивно ли, что меня здесь узнают на улицах?». Он видел ласковые улыбки, восхищённые глаза, слышал благодарные слова. Бальмонта замучили литераторы, переводчики, газетчики печатали его стихи, очерки о нём, интервью, «смешные» портреты. Кроме Мойчи Ямугичи (Ямагути), поэт встретился с японскими русистами Айка Осэ и Нобору Сёму. «...Меня в каждом городе встречало такое внимание, как будто я был давно жданным другом...». Япония признала его талант!

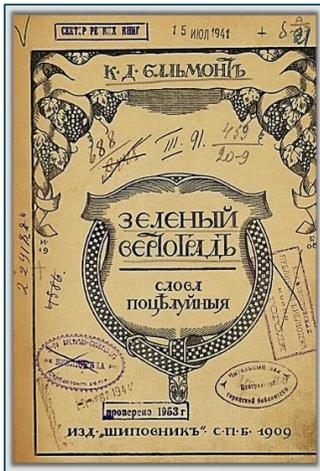
Фото из японской газеты «Ёмиури симбун», 16 мая 1916 г., К. Бальмонт, Е. Цветковская, В. Дмитриенко в г. Токио

Отзывы о приезде Бальмонта в Японию публиковали уважаемые японские издания: «Токио Асахи симбун», «Ёмиура симбун» и «Осака Асахи симбун». «Ёмиура симбун» за 16 мая 1916 г. поместила фотографию К. Бальмонта (по-японски господина Ба), Елены Цветковской (госпожи Цу) и корреспондента газеты «Далёкая окраина» Веры Дмитренко. Профессор Савада

БИБЛИОТЕКИ

Кадзухико из японского университета Сайтама разыскал и прислал нам это фото.

14 мая Бальмонт возвращается во Владивосток.

Вернувшись из поездки, К. Бальмонт дважды выступил в клубе «Чашка чая». Первый раз поэт, полный свежих впечатлений, новых ощущений, новой эстетики: «Японией пленен безмерно... Япония – лучезарный сон... Золотая страница сердца...», упоённо рассказывает о своём увлечении Японией и напевно читает написанное: «К Японии», «Японке», «Гейши», «В чайном домике», «Самурай», «Буддийский храм», «Спор духов», «Страна совершенная» и др., противопоставляя совершенной Ниппон «правдивую характеристику уличных сцен

во Владивостоке...».

Возможно, владивостокским обывателям, знавшим реалии японской жизни (каторжный труд на рисовых чеках, бедность, приниженное положение женщин – в Нагасаки японки грузили уголь на суда, таскали тяжёлые кирпичи на стройках с грудными детьми за спиной), было нерадостно думать о том, что Япония открылась поэту исключительно в «розовом свете». Об этом в учтивой критической форме (после отъезда поэта), называя Бальмонта романтиком, написала 24 мая газета «Далёкая окраина».

19 мая 1916 г. К. Бальмонт выступил в «Чашке чая» «в пользу раненых и на подарки в окопы» во второй раз. Среди публики, молодой, интеллигентной, чуткой было много местных грузин. Они восхищались звучностью перевода и близостью к тексту Ш. Руставели. 20 мая 1916 г., накануне отъезда К. Бальмонта, Владивостокское общество грузин преподнесло переводчику «Витязя в тигровой шкуре» составленный в горячих выражениях благодарственный адрес, серебряный бювар и золотое перо.

В поездке по Японии К. Бальмонта и его спутницу Е.К. Цветковскую сопровождала корреспондент и редактор-издатель ежедневной газеты «Далёкая окраина» Вера Юльевна Дмитренко. Журналистка находилась с ними в течение нескольких дней в Токио, а затем вернулась во Владивосток и 11 мая «её репортаж уже читали россияне». Поэт был вежливо не рад её присутствию, однако именно она, зная японскую литературную среду, «учёных, которые могли проявить на встречах с русским поэтом необходимые знания», подготовила визит и предвосхитила его успех в Стране Восходящего Солнца. «Далёкая окраина» достойно освещала пребывание К. Бальмонта во Владивостоке, Никольск-Уссурийском, Хабаровске, а также его японский вояж (*Далёкая окраина*. - 1916. - 5 апр. (№ 2889), 22 апр. (№ 2903), 23 апр. (№ 2904), 27 апр. (№ 2908), 13 мая (№ 2923), 11 мая (№ 2921), 19 мая (№ 2929), 22 мая (№ 2932), 24 мая (№ 2934).

21 мая 1916 г. Константин Бальмонт отбыл из Владивостока в Петроград. День отъезда был солнечным и ярким. Счастливый, наполненный свежими впечатлениями поэт уселся в поезд и жизнерадостно покатыл по благоухающей белоснежными ландышами и голубыми орхидеями Маньчжурии и далее в Россию к родным.

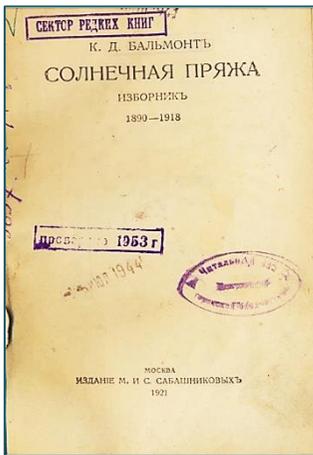
В фонде ПКПБ им. А.М. Горького находятся прижизненные издания К. Бальмонта, что интересно, несколько из них ранее принадлежали библиотеке 9-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (военные любили почитать на досуге). Вот их список:

Бальмонт, К.Д. Белые зарницы. Мысли и впечатления: [сб. статей] / Константин Дмитриевич; К.Д. Бальмонт. - СПб. : Изд. М.В. Пирожкова, 1908 (: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина). - 217 с.; 21

БИБЛИОТЕКИ

см. - Прижизн. изд. - Инв. N 22926 на форзаце штамп: "Б-ка 9-го Вост.- Сиб. стрел. полка". 22928 -

Бальмонт, К.Д. Жар Птица. Свирель славянина: [стихотворения] / Константин Дмитриевич; К.Д. Бальмонт. - М.: Скорпион, 1907 (Тип. т-ва А.И. Мамонтова). - 234 с.; 23 см. - Прижизн. изд. - Рисунок обложки работы К. Сомова. Надпись М.

Добужинского. Исполнено в 12 красок хромофотографией И. Кадушным в Санкт-Петербурге.

Бальмонт, К.Д. Три расцвета. Театр юности и красоты: драма / Константин Дмитриевич; К.Д. Бальмонт. - СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, [1908] (Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина). - 39 с.; 21 см. - На тит. л. штамп: "Б-ка 9-го Вост.- Сиб. стрел. полка". - Прижизн. изд.

Бальмонт, К.Д. Полное собрание стихов. Т. 10: Хоровод времен / Константин Дмитриевич; К.Д. Бальмонт. - М.:

Скорпион, 1909 (Тип. т-ва А.И. Мамонтова). - 123 с.; 23 см. - На тит. л. штамп: "Б-ка 9-го Вост.- Сиб. стрел. полка". - Прижизн. изд.

Бальмонт, К.Д. Горные вершины: сборник статей / Константин Дмитриевич; К.Д. Бальмонт; предисл. авт. - М.: Изд-во "Гриф", 1904 (Тип. т-во "Печатня С.П. Яковлева"). - 208 с.; 26 см. - На тит. л. штамп: "Б-ка 9-го Вост.- Сиб. стрел. полка". - Нет послед. с. - Прижизн. изд.

Бальмонт, К.Д. Морское свечение: [сборник статей] / Константин Дмитриевич; К.Д. Бальмонт. - СПб.; М.: Изд. т-ва М.О. Вольф, б.г. - 259 с.; 21 см. - На тит. л. штамп: "Владивост. реал. уч-ще". - Прижизн. изд.

Бальмонт, К.Д. Любовь и ненависть: испанские народные песни / Константин Дмитриевич; К.Д. Бальмонт; предисл. авт. - М.: Изд. т-ва И.Д. Сытина, 1911. - 107 с.; 21 см. - Прижизн. изд.

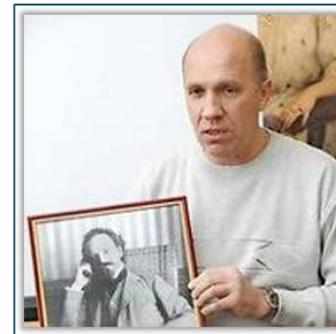
Бальмонт, К.Д. Семь поэм / Константин Дмитриевич; К.Д. Бальмонт. - М.: Задруга, 1920. - 58, [2] с.; 23 см. - Прижизн. изд.

Бальмонт, К.Д. Солнечная пряжа: избранник: 1890-1918 / Константин Дмитриевич; К.Д. Бальмонт; сост. авт.; портр. Бальмонта рисован с натуры М.В. Сабашниковой-Волошиной. - М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1921. - 258 с.; 19 см. - Нет послед. с. - Прижизн. изд.

Бальмонт, К.Д. Зеленый вертоград: слова поцелуйные / Константин Дмитриевич; К.Д. Бальмонт. - СПб.: Шиповник, 1909 (Тип. м-ва путей сообщ. (Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко.)). - 248, V с.; 25 см. - На форзаце штамп: "Б-ка 9-го Вост.-Сиб. стрел. полка". - Прижизн. изд.

Бальмонт, К.Д. Птицы в воздухе: строки напевные / Константин Дмитриевич; К.Д. Бальмонт. - СПб.: Шиповник, 1908 (Тип. м-ва путей сообщ. (Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко.)). - 228, V с.; 25 см. - На форзаце штамп: "Б-ка 9-го Вост.-Сиб. Стрел. полка." - Прижизн. изд.

Бальмонт, К.Д. Белый зодчий: таинство четырех светильников / Константин Дмитриевич; К.Д. Бальмонт. - СПб.: Сириус, 1914 (Тип. М.М. Стасюлевича). - 324 с.; 23 см. - На форзаце штамп: "Московская переплетная А.Е. Королевой". - Прижизн. изд.

Михаил Юрьевич Бальмонт

Несколько лет назад во Владивосток приезжал внучатый племянник поэта Михаил Юрьевич Бальмонт. От него мы узнали, что во Владивостоке по адресу: Военное шоссе, 5-а, кв. 45 (может быть 4 – 5) жила его тетушка Мария Владимировна Бальмонт (1907 – 1993). Работала она, по некоторым сведениям, руководителем в управлении заготовок (СН? СУНС?). Приехала в наш город после Великой Отечественной войны.

Мария Владимировна, как все семейство Бальмонтов, была литературно одарена, писала стихи. (Вот бы найти подробные сведения о ней!).

В нашей статье предпринята попытка на основе краеведческих книг и периодических изданий, архивных источников из фонда ПКПБ им. А.М. Горького, японских газетных публикаций 1916 г., разысканных и присланных профессором Савада Кадзукико, рассказов внучатого племянника К. Бальмонта – Михаила Бальмонта, а также открытых источников Интернета, воссоздать дорогой для истории культуры Приморья небольшой отрезок жизни большого русского поэта Константина Бальмонта.

Список литературы

1. Азадовский, К.М. Бальмонт и Япония / К. М. Азадовский, Е. М. Дьяконова. - М.: Наука, 1991. - 187 с.
2. Александров, В. Бальмонт в Приморье // Утро России. - 1993.- 23 янв.- С. 3.
3. Андреева-Бальмонт, Е.А. Воспоминания. - М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. - 560 с.
4. Астон, У.Д. История японской литературы: от истоков до конца XIX века / пер. с англ., вступ. ст. В.М. Мендрина; под ред. и с предисл. Е.Г. Спальвина. - 2-е изд. - М.: URSS: Либроком, 2012. - XXXI, [I], 325 с.
5. Бальмонт, К.Д. Автобиографическая проза. - М.: Алгоритм, 2001. - 607 с.
6. Бальмонт, К.Д. Несобранное и забытое из творческого наследия: в 2 т. Т. 1 : Я стих звенящий: Поэзия. Переводы / К. Д. Бальмонт; Константин Бальмонт; отв. ред. А.М. Любомудров; сост., ст., примеч. и коммент. А.Ю. Романова; подгот. текст. и публ. А.Ю. Романова [и др.]. - СПб.: Росток, 2016. - 638 с., [8] л. ил., цв. ил., портр., факс.: ил.
7. Константин Бальмонт - Ивану Шмелеву: письма и стихотворения. 1926-1936. - М.: Наука: Собрание, 2005. - 430 с.: ил., портр., факс.
8. Далекая окраина. - 1916. - 5 апр. (№ 2889), 21 апр. № 2902), 22 апр. (№ 2903), 23 апр. (№ 2904), 27 апр. (№ 2908), 13 мая (№ 2923), 11 мая (№ 2921), 19 мая (№ 2929), 22 мая (№ 2932), 24 мая (№ 2934).
9. Дальняя Россия: Приморский краеведческий альманах. Вып. 3: [Поэзия, проза, пародии, очерки, архивы, научные статьи, эссе, обзоры, воспоминания, хроника, путешествия]. - Владивосток: Дальневост. федер. ун-т, 2016. - 191 с., [4] с. ил.
10. Иващенко, Л. "...И сохрани душевный пламень..." : Забытые и малоизвестные страницы истории дальневост. поэзии: [Л.П. Волков, Н.П. Матвеев, П.И. Гомзяков, Н. Виноградский, С.А. Ирецкий, К. Рослый, Н. Костарев, П. Далецкий, В. Март, Н. Асеев, С. Третьяков и др.] // Золотой рог : лит.- худож. сб.- Владивосток, 1976.- С. 192-222.- Библиогр.: с. 221-222 (34 назв.).
11. Кириллова, Е.О. Дальневосточная гавань русского футуризма. Кн.1: Модернистские течения в литературе Дальнего Востока России 1917-1922 гг. (поэтические имена, идейно-художественные искания): моногр. - Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2011. - 632, [2] с.: ил.
12. Коляда, А.С. Никольск-Уссурийский: штрихи к портрету / А. С. Коляда, А. М. Кузнецов. - Уссурийск: УГПИ, 1997. - 224 с.
13. Корнилов, С. "Люблю тебя, Владивосток...": Константин Бальмонт - единственный символист из плеяды серебряного века рус. поэзии, доехавший до нашего города и признавшийся ему в любви // Новости. - 2004.- 28 апр.-С. 10.
14. Куприяновский, П.В. К.Д. Бальмонт и его литературное окружение / П.В. Куприяновский, Н.А. Молчанова. - Воронеж: Воронеж, 2004. - 196, [1] с.
15. Куприяновский, П.В. Бальмонт / П. В. Куприяновский, Н. А. Молчанов. - М.: Мол. гвардия, 2014. - 345, [2] с., [16] л. ил., портр., факс.; 21 см. - (Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 1657 (1457)).
16. Кучумова, Л. Бальмонт и Япония // Япония сегодня. - N 8. - С. 20-23: фот.
17. Малиновский, В. Романтик Земного шара: 95 лет назад во Владивостоке побывал Константин Бальмонт: [есть подборка стихов: Бусинки; Люблю тебя, Владивосток! Как я пишу стихи; Лишь с ней и др.] // Утро России. - 2011. - 4 июня. - С. 3: фот.

БИБЛИОТЕКИ

18. Малиновский, В.М. [Бальмонт К.Д., поэт, критик, переводчик] // Календарь дат и событий Приморского края на 2012 год. - Владивосток, 2011. - С. 107-109.

19. Ремизовский, В.И. Редакторы газет Дальнего Востока: материалы для библиогр. справочника по курсу "История печати и книжного дела на Дальнем Востоке". - Хабаровск: Обществ. ин-т истории Дальнего Востока, 2010. - 106 с.

20. 165 лет со дня рождения Янковского Михаила Ивановича (1842-1912) // Календарь дат и событий Приморского края на 2012 год. - Владивосток, 20007. - С. 124-125.

21. Уфимцев, Ю. Сидеми: избыток роскоши российской: [о М.И. Янковском, Ф. Геке, Ю. Бринере; есть сведения о Я. Безверхове, в чью честь был переименован пос., а также информ. о К. Бальмонте, М. Пришвине и Р. Амундсене, гостивших в Сидеми] // Конкурент. - 2010. - 4-10 мая. - С. 22: фот.

22. Фаликов, И.З. Месяц гнезд: книга лирики / худож. А. Платонов. - М.: Современник, 1986. - 205 с.

23. Фонд Янковского В.Ю. Фонд 9. Д. 11.

24. Фонд Янковской В.Ю. Фонд 26. Д. 1-10.

25. Хисамутдинов, А.А. Жизнь замечательных людей Владивостока. 1860-150-2010. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. - 398, [1] с., [14] л. ил.

26. Щербак, В.А. Знаменитые гости Владивостока: к 150-летию города: [сборник]. - 2-е изд., испр. и доп. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. - 442, [1] с.: ил., портр.

27. Янковская, В. Забытые жены: новелла [посвящ. матери М.М. Шевелевой и К. Бальмонту] // Рубеж: Тихоокеан. альм. - Владивосток, 2009. - № 9. - С. 382 - 384: фот.

28. Янковские чтения: материалы конференций 1992,1994,1996 гг. / Примор. гос. объедин. музей им. В.К. Арсеньева. - Владивосток: Фаркон, 1996. - 159 с.

29. Янковские чтения: материалы IV-V международ. науч.-практ. конф. 1998-2000 гг. / Примор. гос. музей им. В.К. Арсеньева. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2003. - 272 с.

30. Янковский, Ю.М. Полвека охоты на тигров: мемуары/ Ю. Янковский; Нэнуни: повесть; Корейские новеллы / В. Янковский / Ю. М. Янковский, В. Ю. Янковский. - Владивосток: Рубеж, 2007. - 570, [1] с.: ил.

31. Янковский, В.Ю. Корея. Янковскому: творческая сага. - 2-е изд. доп. - Владимир: СОБОР, 2010. - 372, [3] с.: ил.

32. Янковский, В.Ю. От Сидеми до Новины: дальневосточная сага / В. Ю. Янковский; Валерий Янковский. - Владивосток: Рубеж, 2011. - 606, [1] с.